

Памяти Александра Игоревича Салицкого

ВОЗВРАЩЕНИЕ РАЗВИТИЯ: ПОЛИЦЕНТРИЧЕСКИЙ МИР В ПОИСКАХ НОВОЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

© 2023 г. А. Г. Володин^{а,*}

^аИнститут научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

*E-mail: andreivolodine@gmail.com

Поступила в редакцию 30.06.2023 г.

После доработки 22.08.2023 г.

Принята к публикации 11.09.2023 г.

В статье рассматривается эволюция теорий социально-экономической модернизации в конце XX — первой четверти XXI в. В прошлом веке творческое соперничество происходило между тремя основными идейно-теоретическими направлениями — западоцентристским, национально-этатистским и леворадикальным. По мнению автора, трудности трансформации сложносоставной социально-экономической структуры переходных обществ предопределили постепенную утрату влияния западоцентристским направлением и повышение значимости национально-этатистского и леворадикального течений в системе знаний о развивающихся странах. “Усечённая глобализация” и “вашингтонский консенсус” имели следствием распад моноцентричного мира и поставили парадигму развития в центр поисков новой модели эволюции человечества. Сегодня развитие объективно становится императивом государственного курса всех обществ, включая промышленно развитые страны. Повестка развития становится важным условием формирования новой, полицентрической модели международных отношений, в основе которой лежат принципы диалога и взаимодействия государств и цивилизаций.

Ключевые слова: парадигма развития, глобальная экономика и политика, многополярный мир, западоцентризм, “вашингтонский консенсус”, суверенитет.

DOI: 10.31857/S0869587323110099, EDN: CNJHME

Становление полицентрического мирового порядка стало в последние годы своеобразным общим местом многочисленных публикаций, включая академические издания. Однако авторы подобных работ, как правило, концентрируют внимание на политэкономических и военно-технических аспектах межстадиального перехода, особенностях

идеологической борьбы в современных международных отношениях. Сравнительно слабо исследованным остаётся *социально-психологическое измерение* процессов реформирования мирового пространства. В то же время именно сдвиги в массовом сознании, как свидетельствует история, зачастую становятся основным строительным материалом здания нового мира.

Комментируя сложившуюся к 2020-м годам мировую ситуацию, известный французский культуролог К. Карпентье де Гурдон пишет: “Первая мировая война фатально ослабила Европу, тогда как окончание Второй мировой освятило превосходство США как преемника истощённых европейских колониальных гегемонов. В 1990-е годы войны на территории бывшей Югославии опустили занавес на претензии Евросоюза на [мирополитический — А.В.] суверенитет, тогда как вскоре афганские и иракские злоключения ознаменовали конец американской гегемонии.



ВОЛОДИН Андрей Геннадьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Нынешний украинский конфликт является эпилогом четырёхвековой западоцентристской эры, поскольку он формализует вселенский сдвиг власти в сторону глобального Востока и Юга. Конфликт на постсоветском пространстве уже стоил Европе экономического процветания; равным образом он повысил угрозу американской неплатёжеспособной экономике. Упорно противостоя лиге НАТО, Россия, возможно, устраняет последнее [психологическое — *А.В.*] препятствие, которое до сих пор мешало многим странам отстаивать свои права и интересы” [1]. Иначе говоря, в становлении нового мирового устройства немаловажное значение имеет обстоятельство *психологического* происхождения, то есть освобождение массового сознания от сковывающих деятельность личности и общества ментальных стереотипов, которые активно насаждались на протяжении трёх десятилетий. Несущими конструкциями этих стереотипов были пресловутый “вашингтонский консенсус” и парадигма “конца истории” Ф. Фукуямы [2] как определяющие начала политического поведения человечества. Одним из результатов этого своеобразного идейного застоя (исключавшего появление альтернативных политических проектов) стала, в частности, закредитованность мировой экономики, сопровождавшая в последние десятилетия деятельность международных (по сути дела, западоцентричных) экономических и политических институтов.

Если перевести дефиницию “закредитованность” на беспристрастный язык статистики, то долги мировой экономики составляют выходящую за пределы воображения сумму в более чем два квадриллиона долларов (два с пятнадцатью нулями). О чём говорит эта цифра? Прежде всего о том, что модель развития мировой экономики после 25 декабря 1991 г. на основе принципов “вашингтонского консенсуса” оказалась недееспособной. Усечённая глобализация [3], разделившая мир на так называемый золотой миллиард, с одной стороны, и остальных [4] — с другой, никак не соответствует нынешней расстановке сил на глобальном уровне, что можно наблюдать в режиме реального времени. Вывод в данном случае однозначный: подновление старой модели, политически подпираемой “миром, основанным на правилах”, тормозит развитие человечества, тогда как накапливавшиеся в последние три десятилетия противоречия и конфликты имеют высокую вероятность разрядиться вселенским социальным взрывом.

Далеко не всегда мы придаём должное значение тому обстоятельству, что переход к новой организации ойкумены — это не только политэкономический и геополитический процесс. Немаловажное значение в осевое время мировой истории [5] имеет и понимание необратимости глобальных сдвигов на уровне массового сознания. Можно утверждать, что движение к поли-

центрическому мировому устройству одновременно означает освобождение сознания от сковывающих его поступательное развитие ментальных конструктов, унаследованных от прошлого. Эти конструкты мешают свободному течению мысли и выбору независимой модели поведения, опирающейся на рациональное понимание собственных интересов. Такими сковывающими началами выступали производные от “вашингтонского консенсуса” идеи конца истории и экономические теории институционального направления, априори исключавшие выход исследователя за пределы границ, очерченных победителями холодной войны.

ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Словно полемизируя с Ф. Фукуямой, индийский прогнозист П. Ханна заметил: “История не закончилась — она вернулась” [6, с. 12]. Под возвращением истории футуролог имел в виду прежде всего перегруппировку геэкономических и геополитических сил в Евразии, где проживает более 5 млрд человек и где расположены две самые населённые страны мира — Индия и Китай, в которых совокупно насчитывается 3 млрд человек. “Век Азии”, о котором говорят уже около 30 лет, означает возвращение на новом витке цикла к периоду до первой промышленной революции, когда совокупный валовой внутренний продукт (ВВП) Китая, Индии и Японии (исчисленный Э. Мэддисоном по паритету покупательной способности — ППС) превосходил аналогичные показатели США, Великобритании, Франции, Германии (в границах 1871 г.) и Италии вместе взятых [6, с. 2].

“Век Азии” (точнее, глобального Востока и Юга) — это не только перегруппировка геополитических сил; новый мировой порядок предполагает выдвижение на руководящие позиции “правлящих и господствующих групп” (как эту общность определял М.А. Чешков [7]), обладающих ясными представлениями о *стратегии* действий в конкурентной мировой среде ближайшего будущего и готовых добиваться своих целей путём компромисса, согласования разноречивых интересов всех членов-участников международной системы. Понимание характера и содержания мира будущего — серьёзная проблема для западных элит. “В сознании самодовольных западных интеллектуалов, — считает П. Ханна, — оказываются смешаны жизненные обстоятельства, с одной стороны, и идеи [призванные организовать мироздание — *А.В.*] — с другой, как будто последние продолжают оказывать определяющее влияние на судьбы мира, хотя первые [то есть сложившаяся после распада СССР расстановка геополити-

тических сил — *А.В.*] уже не приносят пользу человечеству. Однако соревнование идей происходит не в вакууме, но на основе их сравнительного влияния в реальном мире” [6, с. 13].

В научной литературе становление нового, “постамериканского”, мира [4] принято связывать прежде всего с превращением основной части глобального пространства из объекта хищнической эксплуатации Запада в реальную силу мирового исторического процесса. Авторитетный индийский историк международных отношений З. Даулет Сингх полагает, что после 24 февраля 2022 г. “международное сообщество тщательно уклонялось от послушного следования за Западом. Вместо этого глобальный Юг [в новых геополитических обстоятельствах — *А.В.*] нашёл возможности отстаивать собственные интересы и таким образом поддерживать многополярный мировой порядок, в котором менее сильные государства отныне могут заключать выгодные сделки с главными глобальными игроками” [8]. Логически выверенная аргументация общего характера нуждается в конкретизации и детализации.

“Сумерки Запада” начали обретать конкретные очертания уже в конце 1990-х годов, когда ничто, казалось бы, не могло поколебать геэкономическую и геополитическую прочность *Rax Americana*. Однако уже в конце прошлого века во внутренней жизни “коалиции победителей” обнаружилось серьёзное внутреннее противоречие. Одержав победу в холодной войне, отмечал британский исследователь К. Коукер, коллективный Запад не преодолел имманентные для этой группы стран противоречия, которые были заложены в модель его поведения после окончания Второй мировой войны. Атлантический альянс “так и не приобрёл качество подлинной политической общности [курсив мой — *А.В.*], о которой грезил её отцы-основатели, тогда как сама идея альянса не получила глубокого понимания среди населения Западной Европы. Неспособность выйти за узкие рамки договора о создании блока НАТО сделала Североатлантический альянс антисоветской коалицией в условиях, когда СССР более не существовал. И это было фиаско, потому что альянс превратился в лишённое смысла существование сообщества, в котором Соединённые Штаты сами подвергались наибольшему риску, поскольку их союзники мало что могли сделать для собственной защиты” [9, с. 61]. Можно предположить, что данное обстоятельство препятствовало *идейной консолидации* американоцентричного мира и впоследствии косвенно стимулировало глобальный многомерный кризис, который в настоящее время подталкивает к становлению полицентрической международной системы.

К концу первой четверти XXI столетия человечество оказалось в ситуации *отложенного разви-*

тия. Иначе говоря, распад “противоцентра” (СССР) в конце XX в. притормозил ход объективных исторических процессов *диверсификации* мира, но никоим образом их не элиминировал. Поэтому неизбежно возвращение человечества к своему естественному, полицентрическому состоянию, предполагающему повторное обращение к извечным проблемам, которые оказались как бы заморожены под влиянием сложившейся в конце 1980-х — начале 1990-х годов геополитической конъюнктуры, зримым проявлением которой стал “вашингтонский консенсус” [10, с. 6—31]. Таким образом, кризис моноцентричного мироустройства и энергичное формирование многополюсного мира объективно требуют содержательного пересмотра социальных теорий, продиктованных логикой макроэкономической политики МВФ и Всемирного банка.

Включённость переходных обществ и развивающихся стран в международное разделение труда на принципах подчинения ставит перед человечеством и обществознанием проблемы универсального характера; существо этих проблем сводится к следующим тезисам-вопросам. Во-первых, как в спрессованные историческим процессом сроки преодолеть отсталость и зависимость, поддерживаемые “порядком, основанным на правилах”? Во-вторых, какой должна быть модель развития, позволяющая обеспечить форсированный, но не сопровождающийся социальными катаклизмами экономический рост и социальный прогресс? В-третьих, как осуществить сопряжение демократии политической и демократии социальной, то есть защиту прав человека и равенство возможностей, равный доступ к источникам экономического роста?

В XX в. попытки сформулировать ответы на эти вопросы имели следствием кристаллизацию нескольких методологических направлений. В советской науке о развивающихся странах было выделено три главных исследовательских подхода, в рамках которых переходные общества оценивались с точки зрения их внешнеполитической ориентации и стратегий экономического и политического развития. Соответственно сформировались три методологических подхода: неоколониалистский, национально-этатистский, леворадикальный [7].

Так, логика рассуждений в рамках *неоколониалистского* (западоцентристского) направления подводила освободившиеся от зависимости страны к необходимости имитировать апробированные в странах Запада рыночные и государственно-монополистические модели социально-экономического развития и адекватные им концепции политической модернизации. Эти модели и их авторы имплицитно отталкивались от представления о возможности автоматического приспособления

традиционной (то есть до- и раннеиндустриальной) общественной среды и регулирующих её жизнедеятельность специфических социальных, институциональных и социокультурных связей к экономическим и политическим условиям сложившихся индустриальных социумов. Предлагавшиеся концепции экономического роста и политической модернизации, с одной стороны, преследовали цель осмыслить особенности социально-исторического опыта переходных обществ, а с другой — были призваны стать своеобразной “научной” основой внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии метрополий в постколониальный период. По мнению советского экономиста Н.А. Лидлейна, сторонники западоцентристского направления полагали, что “массированная инъекция иностранного капитала, дисциплина и организационные формы, диктуемые современной техникой, бурное развитие рыночных связей, расширение образования не только будут служить мощными стимулами индустриализации, но и вызовут крушение традиционных общественных институтов, автоматически обеспечивая решение насущных социальных задач” [12, с. 220]. Можно утверждать, что наиболее общей определяющей чертой концепций модернизации стал ориентированный на идеал — типический опыт Запада — *узкоэкономический* подход к сложной, насыщенной важными и специфическими деталями социальной действительности обществ “третьего мира”. Содержание и последствия внедрения такого рода концепций образно и ёмко определил югославский философ М. Маркович: “Модернизация развивающегося мира никогда не была чем-то большим, нежели вестернизацией, грубым подчинением слаборазвитых стран западным моделям социальной организации” [13, с. 37].

Период наибольшей активности *национально-этатистского* направления общественной мысли пришёлся на вторую половину 1960-х — 1970-е годы, что вполне закономерно. В науках о переходных обществах появление данного направления стало естественной реакцией на кризис методологических основ западоцентричных построений, не выдержавших проверки сложной организованной социально-политической действительностью развивающихся стран, включая такое государство-цивилизацию, как Индия. Во второй половине 1960-х годов наблюдался переход к экономическим и политическим теориям, в рамках которых учитывались как социально-экономические потребности переходных обществ, так и их традиционное культурное наследие, неизбежно корректирующее темпы и масштабы процесса трансформации социума. Национально-этатистское направление концептуально сформировалось тогда, когда стала очевидной неспособность политических моделей, созданных по евро-североамериканским стандартам, обеспечить син-

хронно форсированную перестройку социально-экономической структуры, с одной стороны, и более-менее эгалитарное распределение материальных ресурсов общества в пользу массовых слоёв населения — с другой. Ощущение несправедливости экономического процесса значительно сужало социальную основу политической власти в развивающихся обществах. Ведущим идейно-политическим ориентиром для сторонников национально-этатистского направления служил поиск широкого общественного согласия относительно целей развития общества, системный подход, сочетающий в себе анализ процессов в социально-экономическом базисе общества и их влияния на сдвиги в распределении политической власти [14, 15].

Особое место в изучении экономической и социально-политической проблематики переходных обществ занимали работы авторов *леворадикального* направления. Применительно к развивающимся странам это направление методологически сформировалось в начале 1970-х годов на фоне, во-первых, дискредитации в академических кругах западоцентристских моделей преобразования переходных обществ, во-вторых, стремления преодолеть теоретическую беспомощность теорий “политической модернизации” при истолковании общественных процессов в освободившихся от колониальной зависимости странах Азии и Африки [11]. Одной из движущих сил леворадикального направления в изучении “третьего мира” стало, как отмечал в своё время Б.С. Старостин, “растущее влияние на мировое обществоведение марксистской мысли”, связывавшей социальный прогресс переходных обществ “с самыми широкими и глубокими преобразованиями всей системы общественных отношений... его политических, культурных и социально-психологических институтов” [16, с. 8].

Как правило, работы леворадикального направления отличаются выверенной теоретической структурой, достаточно эффективная для анализа социальных проблем экономической и политической системы, функционирующей в условиях периферийной капиталистической слаборазвитости. Леворадикальные авторы фактически оперируют категориями *классового* анализа, для них характерен отказ от узкотехнологического подхода к преодолению отсталости и зависимости, характерного для концепций “рыночного решения” в рамках западоцентризма [17]. Некоторые ведущие теоретики леворадикального направления (С. Фуртадо, Ф.Э. Кардозо, А.Г. Франк, С. Амин) обоснованно утверждали, что западоцентристские концепции экономической и политической модернизации оказались недееспособными на периферии мирового капиталистического хозяйства, то есть там, где диспропорции между бедностью и богатством, между современ-

ным и традиционным секторами хозяйства носят вопиющий характер и возрастают ускоренными темпами, где усиление репрессивных функций государства стало следствием попыток местных господствующих классов повысить конкурентоспособность экономики периферийного общества на мировом капиталистическом рынке.

Авторы леворадикального направления полагают, что переходные общества развиваются в условиях постоянного интенсивного влияния дуализма их социально-экономической структуры, её имманентной неоднородности. Дуализм переходных обществ проявляется на нескольких срезах жизнедеятельности социума: экономическом (генетически свойственное социально-экономической структуре неравенство в распределении доходов между различными группами населения), технологическом (изначальное расслоение хозяйственной системы на два сектора, олицетворяющие натурально-традиционный и индустриальный кластеры производительных сил), пространственно-географическом (анклавный характер капиталистического развития, сохранение обширных пространств до- и раннеиндустриальных институтов хозяйственной деятельности, так называемых лиминальных поясов), духовно-интеллектуальном и политическом (доступность современных предметов культурного и информационного потребления исключительно элите).

Характерная для леворадикального направления своеобразная политэкономическая доминанта зримо присутствовала в региональных и страноведческих исследованиях. Традиционно данное направление имело многочисленных сторонников в Индии, где изначально присутствовали условия для макросоциального анализа, имея в виду внушительные разрывы в уровне развития различных штатов, значительное социально-имущественное расслоение населения, стойкое сохранение традиционных институциональных связей (каста, община), наконец, глубокую дезинтеграцию национального хозяйства. Посвящённые Индии исследования леворадикального направления появились в середине 1970-х годов; тогда увидели свет работы З. Масани [18], Д. Хиро [19], Д. Селборна [20]. В начале 1980-х годов была опубликована книга бангладешского автора А. Сена, в которой рассматривались теоретические проблемы эволюции индийского государства и процессы образования классов в период независимости [21]. Большинство работ леворадикальных индологов заряжены идеями теории *зависимого капиталистического развития*, в них ошутимо осознание всесторонности связи неокOLONIALИЗМА и периферийной слаборазвитости, характерное для общетеоретических построений таких авторов, как А.Г. Франк, Ф.Э. Кардозо, Э. Фалетто, С. Фуртадо, С. Амин [22–24].

Итак, к концу 1970-х годов западцентристское направление фактически было вынуждено покинуть авансцену теорий социального развития переходных обществ. Однозначная ориентация на ценности, нормативы и институты западных обществ, якобы способных играть роль регуляторов политической жизни и амортизаторов социальных напряжений в “третьем” мире, вошла в противоречие с действительностью, подтверждением чего стала, например, исламская революция 1978–1979 гг. в Иране. Отныне динамике развития теорий модернизации переходных обществ определяла диалектика взаимовлияния национально-этатистских и леворадикальных концепций, что отражало реальную расстановку социально-политических сил в развивающихся странах. Следует подчеркнуть, что различия между этими направлениями экономической и политической мысли были выражены недостаточно чётко; они касались главным образом оценки роли государства в социально-экономическом и политическом развитии переходных обществ. Если национал-этатисты [15, 25] придерживались идей и принципов независимого капиталистического развития (лейтмотив их концепций — признание *безальтернативной* роли государства в общественном развитии), то леворадикальные авторы куда более сдержанно оценивали потенциальную прогрессивность национального государства и его способность действовать в интересах массовых слоёв населения.

Основная причина отсутствия чётких идейно-политических различий между исходными представлениями авторов двух вышеназванных направлений в конечном счёте кроется в том, что в таких странах, как Индия, социальные противоречия модернизации приобрели более острые формы, чем, скажем, в обществах Дальнего Востока. А это означало, что стратегия форсированной экономической модернизации оказывалась политически рискованной для правящих кругов страны, причём уже вскоре после завоевания суверенитета. Социальные издержки форсированной капиталистической модернизации для трудоизбыточных экономик, подобных Индии, её влияние на массовое сознание в своё время выразительно описал американский автор Л. Вейт: “Недостаточная притягательность капитализма для масс предопределена не только его безразличием к [социальной — *А.В.*] справедливости, но также его отождествлением с политикой свободной торговли [в данном случае невмешательством государства в социально-экономические отношения — *А.В.*] и инациональным господством колониального периода” [26, с. 24].

Следует сказать, что различия в описании переходных обществ у последователей западцентристского подхода, с одной стороны, и у национал-этатистов и леворадикалов — с другой, рас-

пространялись и на научную методологию, понятийный аппарат, аналитический инструментарий. Сторонники западоцентристского восприятия развивающихся стран уповали на действенность *структурно-функциональных* методов социального анализа, которые к началу 1930-х годов достигли в западной социологии развитых форм, а впоследствии использовались в концепциях политической модернизации, ориентированных на переходные общества. Повышение устойчивости экономических и политических систем в африканских и азиатских странах представлялось сторонникам данного метода как процесс структурной и функциональной дифференциации традиционных обществ с перспективой возникновения социальных связей индустриально-капиталистического типа и последующей легитимацией представительной демократии и её институтов [16, с. 52–59]. Исследовательские задачи в этом случае ограничивались описанием межпартийной борьбы, противостояния оппозиции и власти и других надстроечных явлений; в результате политические процессы оказывались изолированы от социально-экономической эволюции переходных обществ.

В такого рода научных построениях переходное общество предстало как некая совокупность социальных и политических институтов, связанных отношениями взаимозависимости, а его эволюция истолковывалась как следствие дифференциации социальных институтов, функций или ролей, но не как отражение динамики социально-экономических процессов. Понятно, что невнимание к ведущей роли политической экономии развития значительно ограничивало эвристические возможности структурно-функционального анализа, особенно применительно к таким сложноорганизованным общественным системам, как Индия или страны Африки. Поэтому трудно возразить советскому исследователю Э.Г. Юдину, полагавшему, что методология структурно-функционального анализа содержательна тогда и постольку, когда и поскольку «она не претендует на *универсальность* [курсив мой — А.В.] обеспечиваемых ею выводов и... не превращается в идеологию. Именно поэтому функционализм оказывается эффективным исследовательским средством при анализе малых социальных групп и при построении теорий, относимых в социологической литературе к теориям среднего уровня, и вместе с тем эффективность его резко падает при попытках выйти за эти пределы» [27, с. 125, 126].

Западоцентристский подход к изучению переходных обществ имел значительное число сторонников до второй половины 1960-х годов. Национально-этатистская и леворадикальная парадигмы возникли позже, уже в период суверенитета в прошлом зависимых государств, в связи с углублением противоречий капиталистического

развития освободившихся стран. Национально-этатистское направление идеологически было связано с парадигмой автономного капитализма и возникло в период относительно поступательного развития Индии и других переходных обществ. В то время популярными стали концепции *децентрализации* экономической и политической власти, что, как предполагалось, повысит жизнеспособность модели общественного развития Индии и других «композитных» (сложносоставных) обществ.

Появление леворадикального направления в изучении развивающихся стран, на наш взгляд, логично связывать с наступлением системного кризиса капитализма (экономического, политического, мировоззренческого) в переходных обществах. Так, исходным пунктом для многих леворадикальных индологов стало введение чрезвычайного положения в «крупнейшей демократии мира» (середина 1975 г.): это событие рассматривалось как попытка повторной консолидации индийского общества на платформе капиталистической модернизации. Ставилась цель показать, что избранная в 1947 г. модель экономического развития противоречит интересам массовых слоёв населения и что выход из создавшегося положения предполагает разрыв связей с глобальной системой неокOLONиальной эксплуатации.

Таким образом, к началу 1980-х годов диалектику трансформации теорий общественной эволюции во всё возрастающей степени начинает определять творческое сопротивление национал-этатистов и леворадикалов.

РАСПАД PAX AMERICANA И ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПАРАДИГМЕ РАЗВИТИЯ

В 1970–1980-х годах так и не была создана целостная теория развития. Под *развитием* в 1980-е годы понималось преодоление экономической отсталости и слаборазвитости, в качестве индикаторов которого рассматривались: растущая диверсификация и специализация народного хозяйства, интенсификация обмена между отдельными территориями внутри той или иной страны, рост производительности и продуктивности труда, повышение уровня жизни массовых слоёв населения. В сфере политических отношений развитие подразумевало приобщение к современным (западным) способам управления, социализированным правилам политического поведения (регулярные и прозрачные выборы, например), интериоризацию (ненасильственное принятие обществом) институтов политического представительства, использование «институционализированных» (отработанных) процедур согласования интересов и разрешения социальных конфликтов.

Тогда, в 1980-е годы, в науке о развивающихся странах присутствовала известная терминологическая путаница. Не были надлежащим образом разведены такие основополагающие понятия социально-экономического и политического анализа, как “модернизация” и “развитие”, что ограничивало возможности познания сложной действительности переходных обществ и выработки действенных рекомендаций для последующего их применения во внешнеполитической деятельности. Не была сформулирована и методологически единая и внутренне непротиворечивая теория развития переходных обществ. Дело в том, что представители различных школ и течений “девелопментализма” акцентировали внимание либо только на материальных, либо только на идеальных (морально-этических) факторах эволюции общества, иначе говоря, на изменении материальных условий жизни, социальных структур и институтов политического представительства и управления, с одной стороны, или на совершенствовании личности, выступающей как условие и субъект трансформации социума — с другой.

Относительный консенсус между двумя направлениями исследований “третьего мира” сложился вокруг основной задачи развития переходного общества, в качестве которой рассматривался рост валового внутреннего продукта (ВВП) и его сравнительно равномерное (“справедливое”) распределение. В социально-политических исследованиях доминировали такие темы, как роль различных групп, особенно элитных, в трансформации переходных обществ, а также природа конфликтов и способы их урегулирования. Непременным спутником такого рода изысканий была дихотомия *традиционализм—современность*. Некоторые авторы обращали внимание на специфические черты психики, мышления, сознания, поведенческих мотиваций как на факторы социальной организации переходного общества, косвенно сказывающиеся на особенностях экономики. Были предложены своеобразные портреты двух типов обществ и олицетворявших их личностей — традиционного (стационарного) и современного (динамичного); предпринимались попытки выявить социопсихологические характеристики человека современного, с одной стороны, и традиционного — с другой.

Среди основных характеристик “человека традиционного” назывались: пассивность, созерцательность, иррационализм мышления, непоколебимая приверженность заведённому порядку вещей, клановая и племенная солидарность, нечётко выраженное сознание ответственности, боязнь нововведений, неумение ценить время и бережливо его использовать, негативное отношение к труду и т.п. Обладая подобными качествами личность рассматривалась как “неразвитая”, неспособная к самоидентификации и отста-

иванию своих рационально понимаемых интересов. Внутренний мир подобной личности стеснён узкими рамками политэкономии простого воспроизводства. Напротив, “человек современный”, воплощавший динамичный образ жизни, наделялся такими чертами, как мобильность (территориальная и социальная), внутренняя организованность и общественная активность, рациональность поведенческих мотиваций и проявлений, развитые навыки абстрактного мышления, склонность к разумному и оправданному риску, расчётливость [28]. Делался вывод о необходимости внедрения в ткань переходного общества “современных” установок и ценностей, поскольку, как предполагалось, без перестройки внутреннего мира личности и изменения отношения человека к окружающей действительности модернизация невозможна; косметические изменения, то есть формальное заимствование институтов политического представительства, не только не стимулируют экономический рост, но превращают процесс развития в профанацию осовременивания, и переходное общество терпит крах.

В сущности, тезис о *безальтернативности* модернизации личности равнозначен марксистскому положению о совершенствовании духовно-интеллектуальной структуры производительных сил общества. Однако отсутствие *сознательного* начала (воспитательной функции государства) лишь усиливает диспропорции между имеющимися возможностями хозяйственной системы и постоянно растущими запросами населения, порождаемыми демонстрационным эффектом — стремлением, прежде всего молодёжи, имитировать модели материального потребления, принятые в странах Запада. Такого рода противоречие имеет следствием рост напряжённости и обострение конфликтных ситуаций в обществе. Несоответствие между развитой моделью потребления, с одной стороны, и слабо развитой моделью производства — с другой, усиливает нагрузку на политическую систему, делает её хрупкой, неспособной противостоять волнообразно нарастающим требованиям населения, что порождает политическую нестабильность и периодические кризисы власти (типа “арабской весны” 2010–2012 гг.).

Как уже было сказано, категория “развитие” в конце прошлого века ещё не получила чёткого и непротиворечивого научного определения. Сложилось представление общего порядка о *комплексной формуле* развития, включая экономическую, социальную, культурную, интеллектуальную и иные переменные. Экономическое развитие рассматривалось как комплексный процесс, охватывающий индустриализацию общества, модернизацию сельского хозяйства, достижение равновесия между производством и потреблением, а также диверсификацию внешней

торговли, ликвидацию неравноправных отношений с Западом, установление нового международного экономического порядка. Среди социальных аспектов развития в качестве императивов упоминались трансформация традиционных социальных институтов и отношений, повышение уровня жизни, достижение большей равномерности в распределении доходов, доступ к благам культуры, образования, здравоохранения и т.д. Под стратегией развития понимался комплекс экономических, политических, идеологических и социокультурных факторов, синхронное воздействие которых на социальную среду переходных обществ имело целью ускорить перемены, создать предпосылки для равноправного взаимодействия отставших в своей эволюции обществ с промышленно развитыми странами в международной политической и экономической системе [29].

Успех общественных преобразований в переходных обществах напрямую связывался с наличием в освободившихся странах *социальных носителей развития*. Социальная структура большинства развивающихся стран не содержала в себе массовые социальные общности, способные стать движущей силой модернизации. Фрагментированные (многоукладные [30, с. 21–35]) общества изначально испытывали трудности в создании диверсифицированного национального хозяйства, способного к самоподдерживающемуся росту и форсированному расширенному воспроизводству. Сложность диверсификации народного хозяйства, как было показано Г.К. Широковым, А.П. Колонтаевым и другими индологами, проистекала также из изначально глубокой дезинтеграции национальной экономики, которая усугубилась в колониальный период [31, с. 3–59]. Иными словами, процессы дифференциации и суверенизации социальных институтов и создания отработанных механизмов согласования разноречивых интересов предполагали сознательную деятельность государства, внесение принципа *политической обязательности* в трансформацию переходных обществ.

Естественная эволюция теорий общественно-го развития была заторможена вследствие распада Советского Союза — мирсистемного противостояния, самым своим существованием питавшего критическую (то есть неаполитическую по отношению к Западу, его институтам и практикам) мысль, частью которой было объективное изучение “третьего мира”. В однополярном мире многие развивающиеся страны на собственном опыте познали, что такое “вашингтонский консенсус”, отчуждение суверенитета, отказ от роли государства — регулятора, призванного смягчать разрушительные действия внешних игроков (прежде всего транснациональных компаний). В сфере массового сознания и психологии распад “миро-

вого либерального порядка” означает освобождение основной части человечества от иллюзий глобального управления и переход к здравому смыслу, ориентации на национальное развитие. Такое поступательное движение экономист-китаевед А.И. Салицкий называл “переходом от реформ к развитию” [32]. Эта ёмкая дефиниция предполагает непротиворечивое восприятие как самого понятия “развитие”, так и понимания его места в системе координат современного знания о переходных обществах. Представляется целесообразным соотнести феномен развития с такими явлениями-категориями, как *модернизация* и *реформа*.

1. *Модернизация* — это форсированный процесс трансформации общества в исторически спрессованные сроки. На Западе осовременивание общества носило эволюционный характер, происходило на протяжении длительного исторического времени, поэтому развитие западного социума в строгом смысле модернизацией не является.

2. *Реформа* выступает как конкретный инструмент модернизации, определяя основные её этапы и содержание каждого из них: первый — осознание “творческим меньшинством” общества (А. Тойнби) недееспособности старого режима; второе — формирование долгосрочного видения перспектив социума, то есть стратегии развития; третье — формулирование макроэкономической политики — текущей и среднесрочной.

3. *Развитие*, с учётом вышеизложенных соображений, можно интерпретировать как исторический процесс, синтезирующий в себе экономический рост, максимально возможную занятость и прогрессирующее снижение социально-имущественных диспропорций, препятствующих поступательной эволюции социума. В ходе данного процесса формируется новый тип личности, *человек современный*, воспринимающий мир сквозь призму собственных интересов; политическим выражением подобной эволюции становится диверсификация общественных институтов и становление представительного правления.

Разрушение “вашингтонского консенсуса” под воздействием естественно-исторических факторов, утверждение большинства участников мирового политического процесса в качестве его сознательных субъектов, трансформация Pax Americana в глобальный порядок полицентрического типа — все эти тенденции возвращают человечество в состояние до 1991 г., но уже на новом, более высоком уровне геополитического равновесия. После 30-летней заморозки исторический процесс возобновился. Ретроспективный анализ показывает, что в этот своеобразный переходный период общественная мысль находилась в состоянии деятельных поисков парадигмы постамериканского развития. На наш взгляд, неприятие Pax Americana определённым образом сблизило по-

зиции исследователей национально-этнического и леворадикального направлений, которые начали выступать за “возвращение истории” с близких идеологических позиций. Точкой схождения научных поисков стало именно *развитие*, конкретная цель которого — построение в переходных социумах *общества среднего класса*. В послевоенный период подобная модель общества с центральной ролью среднего класса рассматривалась на Западе как эффективная антитеза идеям социализма и классовой борьбы — движущей силы эволюции общества.

В настоящее время средний класс составляет значительную часть населения в Индии и Китае (примерно 300 и 450 млн человек соответственно), а также в некоторых других развивающихся странах. Нестрогая, подчас аморфная трактовка этого социально-структурного образования (выделяемого на основе критериев уровня образования и доходов, стандартов материального и духовно-интеллектуального потребления, владения собственностью, способности к высококвалифицированному труду) затрудняет определение пространственных границ среднего класса в незападных обществах. Так, если индийские авторы оценивают его численность в стране в 300 млн человек, то западные специалисты снижают эту цифру в 2–2.5 раза. Однако отрицать его ведущую роль в прогрессе общества на глобальном Юге западные учёные не решаются, ибо “нигде экономика не может функционировать без покупательной способности значительного по размерам и разрастающегося среднего класса” [33, с. 161].

Развитие и средний класс неразделимы в том смысле, что первое выражает восходящую траекторию движения общества, тогда как второй самой своей деятельностью обеспечивает поступательную эволюцию социума, переход его на более высокий уровень равновесия. Попытки сформулировать парадигму, сопрягающую стратегию экономического и социально-политического развития, предпринимались как минимум с середины 1970-х годов. Уже тогда были определены четыре взаимосвязанных направления деятельности государства по модернизации переходных обществ: интеграция гетерогенной социальной и национальной (в первую очередь в полиэтнических государствах, особенно в Африке) структуры; экономический рост как инструмент повышения жизненного уровня массовых слоёв населения и амортизатор возникающих в процессе модернизации всевозможных конфликтов; снижение межклассовых и межгрупповых имущественных и иных диспропорций (социальная справедливость), а также выравнивание межрегиональных дисбалансов; внедрение политической демократии в среду, где глубоко укоренилась статусная (сословно-кастовая, общинная и т.п.) иерархия, поддерживающая узурпацию экономической и

политической власти крайне ограниченным кругом лиц.

Таким образом, основной целью развития выступал демонтаж инертной (стационарной, традиционной) социально-экономической структуры, лишение её способности к саморазвитию. Важными составляющими стратегий развития выступали мобилизация низших слоёв общества в их противостоянии с доминирующими социальными группами, прежде всего в сельской местности, а также приобщение ранее пассивных слоёв населения к политике [15]. “Вовлечение в развитие” впоследствии расширило массовую базу поддержки национального государства, повысило гибкость политических институтов и манёврность политической системы.

Стимулирование (со второй половины 1960-х годов) развития и диверсификации среднего класса за счёт политики экономического роста имело и негативные последствия, в частности, расширение “параллельной экономики”, в рамках которой возникли собственные автономные структуры производства, накопления, капиталовложений и потребления. Особенность среднего класса во многих незападных обществах, возможно, связана с его двойственным положением — между Сциллой заимствованных из бывших метрополий форм развитого промышленного производства и Харибдой исторически обречённых форм традиционных, преимущественно докапиталистических, способов хозяйствования (ремесленники, мелкие торговцы, арендаторы).

Силой, призванной преодолеть дезинтеграцию экономики и социальной структуры переходного общества, самой историей избрано *национальное государство*. И это закономерно, ибо неспособность национальной буржуазии и ассоциированных с ней групп стать движущей силой процесса развития в условиях взаимодействия переходных обществ с более развитыми социально-экономическими системами компенсируется гегемонией политического начала, философским обоснованием которой является *этатизм* — идеология и практика ведущей роли государства. Поэтому в переходных обществах национальное государство развивается автономно от классообразовательных процессов (что в разных странах выражено в разной степени), и нынешняя повсеместная тенденция к восстановлению суверенитета по отношению к коллективному Западу отражает тяготение большинства переходных стран к возврату во внутренней политике к основополагающим идеям развития. На Западе это вызывает неприятие. Скажем, жёсткая критика Дж. Соросом и другими представителями глобалистских элит деятельности правительства Индии во главе с Н. Моди — проявление тревоги “транснационалов” [34] относительно растущего стремления

стран глобального Юга укрепить социально-экономические основы политики стратегической автономии в отношениях с “золотым миллиардом”.

В прошлом стратегическая автономия стран “третьего мира” во внешней политике опиралась на дееспособное национальное государство, которое, связывая воедино социально фрагментированное общество, обрело свободу манёвра в международной среде, нередко используя поддержку Советского Союза. Стабилизирующая роль национального государства объективно возрастает в современных условиях, в период трансформации мировой системы, её перехода к многополярности. Сама идея развития выражает давно вынашиваемую человечеством мечту о *новом мировом экономическом порядке* (НМЭП), которая после распада Советского Союза на время как бы утратила актуальность. Выдающийся индийский экономист С. Чакраварти полагал, что развитие непременно включает в себя такие элементы, как: творческое использование накопленного обществом человеческого капитала (то есть знаний и умений народа) в реальном экономическом процессе; гибкое внедрение новых технологий и создание благоприятных условий для их распространения в обществе; использование потенциала государства при урегулировании конфликтов между различными группами интересов внутри страны и для снижения социальных издержек, связанных с перемещением иностранного капитала в условиях неравномерного экономического роста в мире [35, с. 38].

Интересно, что тяга к развитию у переходных обществ поддерживается и их исторической памятью. Так, на основе обширных межстрановых сопоставлений видный индийский экономист А.К. Багчи сделал вывод о том, что, за исключением Нидерландов и Англии, европейские страны не превосходили Индию, Китай и Японию в экономической организации общества, правах собственности, зрелости гражданских отношений вплоть до конца XVIII в. Развитие экономических отношений в континентальной Европе определённо ускорилось лишь под воздействием промышленной революции в Англии, которая впоследствии начала диктовать законы становления индустриального способа производства остальному миру [36, с. 174].

Начавшийся пересмотр стратегий общественной эволюции, возвращение человечества к парадигме развития объективно подталкивает перегруппировку сил в международной системе, которая приобрела необратимый характер. Превращение Китая в первую экономику мира, энергичный рост народного хозяйства Индии, настойчивое самоутверждение бразильской цивилизации с очевидной геополитической проекцией, преодоление Россией исторической усталости и актив-

ная защита собственных национальных и глобальных интересов — эти и другие обстоятельства требуют обновления моделей взаимодействия на мировой арене. И одним из важных элементов этой тенденции становится повестка развития, предполагающая всеобъемлющее осовременивание переходных обществ и укрепление горизонтальных связей между ними. Установление и диверсификация взаимодействия внутри общности глобального Юга диктуют в том числе соображения практического свойства. Ослабление экономических позиций Запада естественным образом подталкивает переходные общества к коллективным усилиям, прежде всего к выработке общей программы действий, идейным стержнем которой становится стратегия развития на обозримое будущее.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Бегство от Запада имеет фундаментальные политэкономические причины. Неплатёжеспособность западных экономик восходит к 60-м годам прошлого века. В 1970-х годах экономики западного мира вступили в период длительного спада, который характеризовался низкими темпами роста и затяжным замедлением динамики реального сектора народного хозяйства. Уже с начала 1980-х годов доля производственного сектора в экономиках ядра мировой капиталистической системы начинает зримо сокращаться. К 2019 г. удельный вес данного кластера хозяйства составлял 8.8% в Великобритании и 11.1% в США. Из развитых стран только в Германии и Японии доля промышленного производства оставалась на относительно высоком уровне — 21 и 20.8% соответственно [37, с. 13]. Иными словами, господство финансового капитала изнутри подрывает основы геоэкономического и геополитического влияния Запада. Помимо финансиализации экономики, фламану западного капитализма, США, уже давно угрожает деградация человеческого капитала, снижение качества производительных сил. Более 30 лет тому назад известный экономист М. Портер с тревогой отмечал: “Несмотря на то, что высшее образование [в США — *A.B.*] обладает мощным профессиональным потенциалом, *среднестатистическое* качество человеческих ресурсов отстаёт от аналогичных показателей других развитых стран. По мере того как конкуренция интернационализируется и всё в большей степени основывается на знаниях, работники, не имеющие надлежащих профессиональных навыков, сталкиваются с тем, что их способности к выживанию всё больше угрожает относительно низкая заработная плата в развивающихся странах. Фундаментальная приверженность совершенствованию людских ресурсов стала политическим императивом” [38, с. 725].

В настоящее время сложился своеобразный дуализм американской экономики, который на поверхности общественной жизни проявляется в обособлении двух групп штатов — “солнечного пояса” (территория к югу от 36-й параллели, иногда именуемая штатами растущих экономических возможностей) и “пояса ржавчины” (бывший индустриальный/фабричный пояс; географически в него включаются: центральная зона штата Нью-Йорк, сегменты штатов Пенсильвания, Огайо, Индиана, Мичиган и Иллинойс), при этом каждая группа субъектов федерации начинает жить по своим экономическим и политическим законам. В “красных” (республиканских) штатах формируется параллельная экономика. Как заметил авторитетный американский урбанист Р. Флорида, “предпосылка большого разрыва — упадок некогда процветающего среднего класса и населенных им районов, которые буквально олицетворяли американскую мечту” [39, с. 116]. Одним из возможных последствий большого разрыва может стать повторение трагических событий 1861–1865 гг. — гражданской войны Севера и Юга.

Со своей стороны Западная Европа, некогда колыбель современной индустриальной цивилизации, лишённая свободного доступа к недорогим российским энергоносителям и ёмкому американскому рынку, оказалась вынужденной взять на себя содержание социально-экономического балласта в лице стран Южной, Восточной и Центральной Европы. Как известно, на этом весьма обширном пространстве траектория становления индустриального способа производства значительно отличалась от эталонной западноевропейской. Помимо того, экзистенциальное бремя северо-западной Европы вследствие приобретённого после распада СССР экономического дуализма (историческое ядро Евросоюза, стабильно противостоящее бывшим социалистическим странам) увеличивается под воздействием активных миграционных потоков с южного и восточного направлений.

Глобальный финансовый кризис 2007–2009 гг. показал остальному миру беспомощность Запада в так называемом глобальном управлении, то есть в регулировании мировых экономических процессов, ради чего были задуманы и глобализация, и “вашингтонский консенсус”, и другие “новаторские” идейные построения. Это не осталось незамеченным в незападном мире. Выступая на Всемирном экономическом форуме в Давосе (январь 2009 г.), премьер-министр Китая Вэнь Жибао подверг недвусмысленной критике США и другие западные страны за проведение “неадекватной макроэкономической политики”, за “неустойчивые модели развития, в основе которых — низкий уровень накоплений и высокий уровень потребления”, за “чрезмерное расширение функций финансовых инструментов в слепой погоне

за прибылью”. Глава правительства КНР указал на “отсутствие самодисциплины у финансовых институтов и рейтинговых агентств”. Прямое влияние кризиса на экономику Поднебесной было, по его словам, “ограниченным ввиду противодействия со стороны банковской системы страны”. Фактически речь шла о *контролирующих функциях* национального государства, противостоявшего деструктивным внешним влияниям. Показательно, что на этот раз именно Китай предостерегал западных лидеров, а не наоборот [40, с. 183].

Простая истина состоит в том, что китайское руководство, обеспокоенное некомпетентным управлением мировой финансовой системой в исполнении коллективного Запада, уже в 2009 г. (а возможно, и раньше) сделало выбор в пользу постепенного отказа от излишней зависимости от потребительского рынка западных стран и активно занялось стимулированием внутреннего спроса, построением общества среднего класса, тем более что уже к концу 2000-х годов численность этого социального слоя в Китае, по некоторым оценкам, составляла более 400 млн человек (37% населения) [41], иначе говоря, значительно превосходила всё население США. Стремление к развитию изначально пронизывало общественно-политическую мысль Китая. Требование восстановить историческую справедливость, при всех особенностях тогдашней революционной риторики, явственно ощущалось в речи руководителя КПК Мао Цзэдуна 1 октября 1949 г., в день образования Китайской Народной Республики: “Китай всегда был великой, мужественной и трудолюбивой нацией; и только в нынешнее время мы отстали в своём развитии. Это отставание было предопределено угнетением и эксплуатацией со стороны иностранного империализма и внутренних правителей-реакционеров” [40, с. 151].

События и процессы начала нынешнего века поставили мир перед необходимостью “постамERICANской” (Ф. Закария) перегруппировки сил, способных к действенной реакции на необратимо увеличивающееся экономическое и политическое *разнообразие человечества*. О каких событиях и процессах идёт речь? Вот только наиболее значимые из них: исчерпание Америкой способности к единоличному глобальному управлению; продолжительный и энергичный экономический рост Китая с неизбежными геополитическими последствиями; самоутверждение Индии в качестве государства-цивилизации; преодоление Россией *психологического кризиса*, другими словами исторической усталости, возникшего после распада СССР; оформление целой группы государств — открытых противников мирового либерального порядка (Иран, Венесуэла, КНДР и др.); политическая консолидация на Арабском Востоке, ускорившаяся после “арабской весны”; подъём

национального самосознания в странах Латинской Америки; политическое пробуждение Африки, её выраженное стремление покончить с неокOLONIALИЗМом. Безусловно, заметную роль в перегруппировке сил на глобальном уровне играет возрастающая неустойчивость международной финансовой системы, замкнутой на США и их союзников.

Сегодня уже невозможно скрыть очевидное: политекономический дуализм охватил и промышленно развитые страны. Объективно экзистенциальным императивом человечества становится повсеместное преодоление дезинтеграции экономики. Повестка развития выдвигается на передний план как общее условие решения мировых проблем, в то время как порядок, основанный на писанных Западом правилах, уступает место более сложным формам организации мирового пространства. На новом витке мирового исторического процесса *идея развития* приобретает черты объединяющей человечество силы, а её внешнеполитической проекцией становится *межцивилизационная модель* международных отношений на основе принципов равенства и справедливости.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Работа выполнена в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках исследования “Индия и Китай в последние полвека: сопоставление путей социально-исторической эволюции” (грант № 22-28-01829).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Carpentier de Gourdon C.* It is in the interest of the US and the West to end this conflict with Russia // *Global Order*. Feb. 14. 2023. <http://globalorder.live/post/it-is-in-the-interest-of-the-us-and-the-west-to-end-this-conflict-with-russia> (дата обращения 20.05.2023).
2. *Fukuyama F.* *The End of History and the Last Man*. N.Y.: Free Press, 1992.
3. *Nayar B.R.* *The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development*. New Delhi: Oxford University Press, 2005.
4. *Zakaria F.* *The Post-American World*. N.Y., L.: W.W. Norton & Company, 2008.
5. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991.
6. *Khanna P.* *The Future is Asian. Global Order in the Twenty First Century*. L.: Weidenfeld & Nicolson, 2019.
7. *Чешков М.А.* Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. М.: Наука, 1979.
8. *Daulet Singh Z.* View from India: NATO's big gamble in Ukraine has failed. <http://en.interaffairs.ru/article/view-from-india-natos-big-gamble-in-ukraine-has-failed/> (дата обращения 10.06.2023).
9. *Coker C.* *Twilight of the West*. Boulder, Colorado: Westview Press, 1998.
10. *Володин А.Г.* Становление полицентрического мироустройства как продолжение геополитических процессов XX века // *Контур* глобальных трансформаций. 2019. Т. 12. № 4. С. 6–31.
11. *Chossudovsky M.* *The Globalisation of Poverty*. Penang (Malaysia): Third World Network, 1997.
12. *Лидлейн Н.А.* Буржуазные теории экономического развития (Критический анализ). М.: Мысль, 1978.
13. *Marcovic M.* *Economic order* // *Seminar*. New Delhi. 1982. № 278. P. 36–42.
14. *Jha P.S.* *India: A Political Economy of Stagnation*. Bombay: Oxford University Press, 1980.
15. *Kothari R.* *Democratic Polity and Social Change in India: Crisis and Opportunities*. Bombay: Allied Publishers, 1976.
16. *Старостин Б.С.* Социальное обновление: схемы и реальность. М.: Политиздат, 1981.
17. *The Underdevelopment of Development. Essays in Honor of Andre Gunder Frank*. L.: Thousand Oaks, 1996.
18. *Masani Z.* *Indira Gandhi: A Biography*. N.Y.: Crowell, 1976.
19. *Hiro D.* *Inside India Today*. L.: Routledge & Paul, 1976.
20. *Selbourne D.* *An Eye to India. The Unmasking of a Tyranny*. Harmondsworth: Penguin Books, 1977.
21. *Sen A.* *The State, Industrialization and Class Formations in India: A Neomarxist Perspective on Colonialism, Underdevelopment and Development*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1982.
22. *Cardoso F.H., Faletto E.* *Dependency and Development in Latin America*. Berkeley: University of California Press, 1978.
23. *Frank A.G.* *Dependent Accumulation and Underdevelopment*. L.: Macmillan, 1978.
24. *Furtado C.* *Development and Underdevelopment*. Berkeley—Los Angeles: University of California Press, 1964.
25. *Frankel F.R.* *India's Political Economy, 1947–2004. The Gradual Revolution*. Second Ed. New Delhi: Oxford University Press, 2005.
26. *Veit L.A.* *India's Second Revolution: The Dimensions of Development*. N.Y.: McCraw—Hill, 1976.
27. *Юдин Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978.
28. *Inkeles A., Smith D.H.* *Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1974.
29. *Tornquist O.* *Politics and Development. A Critical Introduction*. L.: Thousand Oaks, 1999.
30. *Зарубежный Восток и современность*. Т. 1. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва “Наука”, 1980.
31. *Экономика Индии: общая характеристика*. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва “Наука”, 1980.
32. *Салицкий А.И.* Внешняя экспансия Китая — результат победившей модернизации // *Вестник*

- РАН. 2018. № 2. С. 171–178; *Salitskii A.I.* The Outward Expansion of China as a Result of Its Victorious Modernization // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. V. 88. № 1. P. 104–110.
33. *Reich R.* Saving Capitalism. For the Many, Not the Few. L.: Icon, 2015.
 34. *Huntington S.P.* Who Are We? America's Great Debate. New Delhi: Penguin Books India, 2004.
 35. *Chakravarty S.* Writings on Development. Delhi: Oxford University Press, 1997.
 36. *Bagchi A.K.* Perilous Passage. Mankind and the Global Ascendancy of Capital. Delhi: Oxford University Press, 2006.
 37. *Fouskas V.K., Roy-Mukherjee S., Huang Q., Udeogu E.* China & the USA. Globalisation and the Decline of America's Supremacy. L.: Palgrave Macmillan, 2021.
 38. *Porter M.E.* The Competitive Advantage of Nations. L.–Basingstoke: The Macmillan Press LTD, 1990.
 39. *Флорида Р.* Новый кризис городов: Джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать / Пер. с англ. М.: Издательская группа "Точка", 2018.
 40. *Hiro D.* After Empire. The Birth of a Multipolar World. N.Y.: Nation Books, 2010.
 41. *Соловьёва О.* Средний класс в Китае растёт, а в России сокращается // Независимая газета. 22.12.2016. http://ng.ru/economics/2016-12-22/4_6891_class.html (дата обращения 20.08.2023).

RETURN OF DEVELOPMENT: A POLYCENTRIC WORLD IN SEARCH OF A NEW EXISTENTIAL PARADIGM

A. G. Volodin^{1,#}

¹*Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, Moscow, Russia*

[#]*E-mail: andreivolodine@gmail.com*

The article examines the evolution of the theories of socio-economic modernization at the end of the XX – first quarter of the XXI century. In the last century, creative rivalry took place between three main ideological and theoretical trends – West-centrist, national-statist and left-wing radical. The difficulties of transforming the complex socio-economic structure of transitional societies have predetermined the gradual loss of the influence of the West-centrist trend and the increasing importance of national-statist and left-wing radical currents of thought in the system of knowledge about developing countries. The “truncated globalization” and the “Washington consensus” resulted in the collapse of the monocentric world order and put the development paradigm at the center of the search for a new model of human evolution. Today, development is objectively becoming an imperative for the modernization of all societies, including those of the industrialized nations. The “Development agenda” is, therefore, emerging as an important precondition for the formation of a new, polycentric model of international relations, which is based on the principles of dialogue and interaction between States and civilizations.

Keywords: development paradigm, global economy and politics, multipolar world, Western-centrism, “Washington consensus”, sovereignty.